

СПЕЦИФИКА ОТНОШЕНИЯ К БОГАТСТВУ В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО РЫЦАРСТВА

А. Г. Смирнов

Московского педагогического государственного университета (МПГУ).
Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1.

Статья посвящена исследованию особенностей восприятия богатства в средневековой рыцарской культуре. Материальные ценности и их аккумуляция являются одним из важнейших элементов истории человечества. Исходя из этого, изучение отношения к богатству способствует более глубокому пониманию ценностно–мировоззренческих доминант, существовавших в разных эпохах, культурах и социальных группах. Автором рассматривается роль материальных ценностей в контексте специфики профессиональной деятельности и социального положения рыцарства.

Эти аспекты позволяют показать наличие объективной необходимости высоких доходов для осуществления профессиональной деятельности средневековой европейской воинской элиты.

В работе учитываются особенности ментальности средневекового западноевропейского общества. Мировоззренческие приоритеты воинского сословия даются на основе произведений рыцарской литературы, в которых отражено представление рыцарей о самих себе. В свою очередь, данные этические стереотипы служили образцом поведения в исторической реальности. На примере отношения к богатству рассмотрено потенциальное противоречие между декларируемым единством рыцарского самосознания и разным имущественным статусом и социальным положением представителей высшего сословия. Особое внимание уделено категории рыцарской щедрости, рассматриваемой с точек зрения альтруизма и прагматизма. Показано влияние проявлений актов демонстративной щедрости на статус представителей воинской элиты как внутри своего сословия, так и в социуме в целом. Отмечена взаимосвязь сформировавшейся рыцарской психологической установки по отношению к богатству со спецификой профессиональной деятельности данного сословия. В статье учитывается роль религиозного фактора как доминанты культуры средневековой Европы. В этом ракурсе восприятия богатства в рыцарском авторитетном стереотипе рассматривается с точки зрения его соответствия христианским аксиологическим установкам, связанным с материальными ценностями и отношением к ним.

Ключевые слова: богатство, Западная Европа, история, культура, мировоззрение, поведенческие стереотипы, рыцарство, сословная самоидентификация, Средние века, ценностные приоритеты.

Введение

Актуальность темы богатства, воспринимаемого в материальном плане, и его интерпретаций связана с большим социокультурным значением данного феномена на всех этапах развития человечества и во всех сообществах. Богатство обычно свидетельствовало о статусе человека, стимулировало социальную активность, приводило к разноуровневым конфликтам: от межличностных до межгосударственных. Даже аскетические идеалы как антитеза обогащению (в древней Спарте, ряде религиозных сообществ и пр.) только доказывают особую роль материальной сферы в жизни человека и общества. В историко-культурологическом ракурсе исследование восприятия богатства важно с точки зрения познания аксиологических приоритетов, доминирующих в культурах определённых регионов и исторических эпох. Отметим, что специфика мировоззренческих установок и особенности культуры повседневности являются важными направлениями современного научного знания, что подчёркивает актуальность рассматриваемой нами темы.

Представленная работа имеет целью исследование восприятия богатства в среде средневекового западноевропейского рыцарства. Исходя из специфики средневековой культуры, видится необходимым рассмотреть данную тему в трёх аспектах:

- с точки зрения профессиональной деятельности;
- в социальном плане;
- в религиозном контексте.

В качестве исторических источников автор обращается к произведениям рыцарской литературы: *chansons de geste*

(рыцарскому эпосу), *romans courtois* (куртуазным рыцарским романам), поэзии труверов и трубадуров. В них наиболее полно представлено стереотип средневекового воинского сословия Европы, одним из элементов которого является отношение к материальным ценностям.

Научная разработанность темы

Феномен рыцарства на протяжении значительного времени является объектом научных исследований. В связи с этим, отдельные аспекты темы богатства в данной среде неоднократно затрагивались учёными в различных ракурсах: *при рассмотрении рыцарства как историко-культурного феномена* (Бессмертный Ю.Л., Кардини Ф., Карповский А.С., Кин М., Оссовская М., Флори Ж., Ястребицкая А.Л. и др.), *военной практики в Средние века* (Биллер Дж., Гайер С., Контамин Ф. и др.), *крестовых походов* (Виймар П., Доманин А.А., Захаров М.А., Лучицкая С.И., Куглер Б., Перну Р., Ришар Ж. и др.), *деятельности духовно рыцарских орденов* (Аддисон Ч.Дж., Байдуж Д.В., Ишимикли И.В., Мельвиль М. и др.), *изучении феномена западноевропейского феодализма* (Блок М., Гизо Ф., Гуревич А.Я., Маркс К., Неусыхин А.И., Петрушевский Д.М., Поршнев Б.Ф., Сказкин С.Д. и др.).

Однако восприятие богатства рыцарством в контексте особенностей средневековой западноевропейской культуры специализированно практически не рассматривалось, что свидетельствует о научной новизне представленного исследования.

Методология исследования

Исследование базируется на общенаучных принципах объективности и

историзма. Взаимосвязь сфер культуры, истории, литературы, религии и этики, необходимая для исследования многогранного феномена рыцарства, подразумевает применение принципов междисциплинарности и системности, свойственных культурологическому знанию. Рассмотрение аспектов культуры средневековой Западной европейской цивилизации как уникального явления, сформировавшегося в особых исторических условиях и обладающего специфическими ценностно-мировоззренческими доминантами, подразумевает использование цивилизационного подхода. Сравнение этических установок рыцарства с моделями, свойственными иным культурным традициям повлекло использование компаративного метода. Сопровождение теоретических положений иллюстративными примерами из произведений средневековой литературы и рыцарской практики, отражение взаимосвязи идеалов и реалий потребовали применения дескриптивного метода. Оценочные суждения при рассмотрении отношения рыцарства к богатству повлекли использование аксиологического подхода.

Исследование: основная часть

Рассмотрим роль имущественной составляющей в рыцарской практике. В рамках трёхсословной социальной модели средневековой Европы рыцари идентифицировались как *bellatores* (лат. – воюющие). Тяжелая рыцарская кавалерия выступала ведущей ударной силой в военных действиях рассматриваемой эпохи. В отличие от снаряжения пехотинца – простолюдина, лошадь, доспехи и оружие знатного воина имели очень большую стоимость. По оценке французского историка Ж. Флори, к 1100 году экипировка рыцаря и боевой конь стоили от 250 до 300 су, на которые можно было купить 30 быков или 300 овец [Флори, 2006: 129–131]. Аналогичная оценка и у итальянского медиевиста Ф. Кардини – примерно 250 солидов, составлявших стоимость 25 быков или 250 овец [Кардини, 1987: 302]. Более детальные, но схожие по сути дан-

ные приводит французский специалист по средневековым войнам Ф. Контамин [Контамин, 2001: 23–32, 80–87].

Исходя из оценок медиевистов, можно сделать вывод, что хорошее рыцарское вооружение стоило целого состояния и было недоступно основной массе населения. Отсюда следует, что значительный доход являлся важным условием осуществления профессиональной деятельности рыцарей.

Рыцарство как привилегированное воинское сословие обладало властными полномочиями. Значительная часть рыцарей была вовлечена в систему феодальных отношений, хотя далеко не все воины имели земли и замки. Статус феодала подразумевал не только получение доходов – в натуральной и финансовой формах от зависимых представителей третьего сословия, но и значительные траты.

Для обеспечения безопасности замка и окрестных владений требовалось постоянное наличие вооружённых и обученных военному делу людей. В Средние века в Западной Европе сформировалась система вассальных отношений, в рамках которой вассал за пожалованный фьеф (обычно земельный) был обязан служить своему сеньору [Bloch, 1989: 233–249]. Однако традиция требовала от вассалов находиться при сеньоре лишь 40 дней в году. Поэтому для круглогодичной безопасности сеньору требовалось иметь много вассалов и, соответственно, земель для пожалований своим людям. Альтернативный вариант – привлечение на службу безземельных рыцарей. Для средневековой культуры характерен принцип традиционализма, порицавший социальную мобильность. Исходя из этого, статус рыцаря не предполагал альтернативы военному делу, за исключением принятия монашества. Рыцарь не мог быть ремесленником или торговцем. Поэтому не имевшие дохода воины охотно шли на службу к феодалам, которые должны были обеспечивать их всем необходимым и могли дать перспективу социального возвышения.

Также феодалу следовало содержать замок, поддерживая оборонительные

сооружения в хорошем состоянии. Потенциально с этим могли справиться и зависимые крестьяне. Однако сложные работы требовали привлечения профессионалов. В эпоху символа и жеста замок подчёркивал высокий статус сеньора. В прагматическом аспекте он был необходим при частых вооружённых феодальных конфликтах.

Однако строительство или реконструкция замка влекли значительные траты. Французский медиевист М. Мельвиль приводит пример стратегически важной крепости Сафет на Ближнем Востоке, которую орден тамплиеров восстанавливал из руин в 1240–1242 годах. Затраты оказались колоссальными – 1100000 «золотых сарацинских монет». Для снабжения на год гарнизона в 1700 человек только ячменя и пшеницы привозили на 12000 мулов. В целом содержание крепости доходило до 40000 золотых монет в год и превышало получаемые от домена доходы [Мельвиль, 1999: 163–167]. Разумеется, обычные укрепления не требовали таких глобальных расходов. Но всё же содержание замка и его охрана требовали значительных материальных затрат.

Дифференциация общества на обладающих оружием и воинскими навыками рыцарей и ориентированных на мирные занятия представителей духовенства и простолюдинов способствовала сосредоточению власти у *bellatores*. А в контексте разделения средневековой Европы на три сословия привилегированные слои рыцарства и духовенства противопоставлялись численно доминировавшим простолюдином – *laboratores* (лат. – работающие, т.е. крестьяне и горожане). В свою очередь, *bellatores* не были однородным сословием по имущественной составляющей. На одном его полюсе находились монархи и крупные феодалы, а на другом – безземельные рыцари, не имевшие иного дохода, кроме скромной платы за службу и военных трофеев. Несмотря на такое расслоение, сфера профессиональной деятельности позволяла считать всех знатных воинов единым сословием. При этом в своих воззрени-

ях рыцарство ориентировалась на богатую аристократию и идентифицировало себя как социальную элиту [Flori, 1990: 35–67].

Bellatores создали уникальный мир куртуазной культуры, в котором, наряду с воинскими достоинствами, ценились учтивость, умение петь, слагать стихи и пр. Разумеется, стихосложение не требовало финансовых затрат. Но в эпоху Средневековья большое значение уделялось символическим жестам. Поэтому существенное значение имел визуальный образ благородного человека. Одежда, оружие, лошадь, свита должны были демонстрировать высокий статус рыцаря, выделяет его как из среды простолюдинов, так и на фоне малообеспеченных воинов. Жизнь при дворе с её галантными праздниками, турнирами и пирами требовала значительных издержек. Не случайно герой французского эпоса Гильом Оранжский, отъезжая к королю, просил отца: *«Мне отдайте всё, что есть в казне: // Я тысячный обоз хочу иметь, // Чтоб нищим двор меня не вздумал счесть»* [Песни о Гильоме Оранжском, 1985: 9].

Рыцари стремились к богатству. И это не уникально в истории. Однако этику рыцарства отличало не желание обладать материальными благами, а характер распоряжения ими. Воины ожидали от своих предводителей богатого вознаграждения за службу и сами ориентировались на элиту. А представители знати традиционно были щедры к окружавшим их воинам. По культурному генезису данный поведенческий стереотип наиболее близок к германской воинской традиции и затем был унаследован рыцарской этикой. Таким образом, щедрость являлась элементом эталонной этической модели рыцаря. Более того, в эпоху символических публичных жестов подарок предполагал обязательную ответную благодарность. Так, в немецком эпосе *«вели себя и гости хозяевам под стать, // Был рад любой и каждый последнее раздать»* [Песнь о Нибелунгах: 1972: 160].

Жадность как антитеза щедрости могла сильно повредить репутации воина.

Созданный А.С. Пушкиным образ скупого барона [Пушкин, 1986: 426–441] явно не соответствовал нормам сословной морали воинской элиты Средневековья. В значительной мере это связано с тем, что расчётливость в тратах была характерна для купцов, ремесленников и иных простолюдинов. Рыцарь же должен был отличаться от низшего сословия в своих поведенческих стереотипах. Средневековый социум был консервативен и не приветствовал нарушение сословной иерархии и устоявшихся моделей поведения. Поэтому рыцарская литература насыщена различными формами демонстративной щедрости. Например, в Испании легендарный Сид, выдавая дочерей замуж: *«Лишь мулов одних и коней ретивых // Приезжим рыцарям отдал сто с лишним. // Роздал он шубы, плащи цветные, // А деньгам там счёт и вовсе позабыли»* [Песнь о Сиде, 1959: 130].

Корпоративная модель *bellatores* предполагала, что настоящее рыцарство не имеет географических границ. В подтверждение этого мы видим подобное Сиду поведение на другом краю Европы, где польский правитель Болеслав III также на свадьбе, которую праздновали 16 дней, *«не переставал раздавать дары»* [Галл Аноним, 1961: 84].

Самоидентификация рыцарства как единого сословия предполагала унификацию поведенческих стереотипов всех воинов. В рассматриваемом ракурсе щедрость не зависела от благосостояния благородного человека. Ролевое ожидание предполагало наличие щедрости даже у бедного воина. И здесь важна не стоимость дара, а готовность его преподнести. Поэтому в романе французского поэта XII века Кретьена де Труа странствующий рыцарь Эрек получил радушный приём и предложение помощи как в замке обеспеченного графа, так и в скромном доме его вассала [Кретьен де Труа, 1980: 17, 43].

По культурному генезису щедрость воинов в отношении гостя была укоренена ещё в поведенческих стереотипах древних германцев [Тацит, 1969: 362–363]. Материальная и моральная помощь

ближнему, особенно в сложных жизненных обстоятельствах, гостеприимство отвечали нормам христианской морали. А религиозность являлась доминантой культуры в средневековой Европе.

Особо отметим щедрость сеньора к вассалам. По мнению французского историка Д. Буте, в этой сфере личностные ценностные доминанты сочетались с нормами, принятыми в феодальном обществе [Boutet, 1990: 397–418]. Многие рыцари, особенно безземельные, рассматривали свою службу как источник дохода. Имея юридическое право перехода от одного сеньора к другому, воины ориентировались на щедрых представителей элиты, которые могли достойно их вознаградить за тяготы и опасности военного дела.

Подобная благодарность воинам встречается во многих регионах. Непосредственно в Европе она была унаследована от древнеримской, а ещё в большей степени - германской воинской традиции. Полководцы в знак благодарности за победы часто выделяли своим людям значительную часть трофеев, что повышало их статус и привлекало к ним новых воинов. Эта норма закрепилось и в мировоззрении рыцарства. Так, рыцарь Парцифаль в романе немецкого поэта рубежа XII–XIII вв. Вольфрама фон Эшенбаха, одолев соперников: *«Осыпал золотым дождём // Своих оруженосцев верных // В признание их заслуг безмерных»* [Вольфрам фон Эшенбах, 1974: 234].

Репутация сеньора зависела от количества находившихся в его распоряжении людей и их профессиональных качеств. Здесь также просматривается древнегерманская ценностная установка, согласно которой *«вожди стремитесь, чтоб их дружина была наиболее многочисленной и самой отважной»* [Тацит, 1969: 359]. Подчеркнём, что репутация не являлась константной категорией. Например, даже у легендарного короля Артура при сложных жизненных обстоятельствах: *«досады и смущенья // Для короля немало в том, // Что свита жалкая при нём»* [Кретьен де Труа, 1980: 195]. В эпоху жестов и символов подобная ситуация могла озна-

чать понижение статуса и определённый спуск вниз по иерархической лестнице. То есть, в приведённом случае король Артур становился не первым среди монархов, а лишь одним из них. И щедрость в подобной ситуации была одним из важных факторов, позволявшим привлечь на службу новых воинов и повысить статус сеньора.

В эпоху рыцарства щедрость воспринималась в контексте уже сформированной воинской традиции и считалась её важной составляющей. Позднее в куртуазной культуре данный компонент обрёл необычайную важность, отчасти связанную с дихотомией «щедрый рыцарь – скупой простотюдин». Кретьен де Труа так позиционировал щедрость: *«Для знатных и богатых скупость – // Наипозорнейшая глупость;... // Царица Щедрость вознесёт // Питомца выше раз в пятьсот, // Чем добродетели иные // И начинания благие»* [Кретьен де Труа, 1980: 218–219].

Также щедрость была связана с особенностями профессиональной практики *bellatores*. Рыцарская деятельность подразумевала константную опасность для жизни. Нападения на соседей являлись обычной формой жизни воинов раннего Средневековья, а право инициировать такое нападение долгое время имел любой феодал. Несмотря на смягчение нравов высшего сословия под воздействием церковной доктрины *Pax Dei* (Божьего мира) в зрелом Средневековье, феодальные войны оставались обыденным явлением эпохи.

Успех в подобной войне или на турнире мог привести к получению трофеев или выкупа за захваченного пленника. И такой доход был многократно выше получаемой со своих вилланов ренты. В подтверждение этому британский медиевист М. Ким приводит премьеры из жизни трёх рыцарей – Гийома и Рожера де Гоши и Гийомале Марешаля, необычайно разбогатевших за счёт побед на турнирах [Кин, 2000: 161]. С ним солидарен французский историк М. Дефурно, писавший, что пленение аристократа давало большую прибыль, чем «целая сеньория за несколько лет» [Дефурно, 2002: 211].

Но удача переменчива. Воин мог получить увечья, оказаться в плену или погибнуть. В период раннего Средневековья противники жгли деревни, угоняли скот, сжигали поля и сады во владениях друг друга. В случае победы замок побеждённой стороны уничтожался, а его защитников убивали либо калечили, лишая тем самым дееспособности [Дюби, 2000: 83]. В более позднее время, когда сражения были редки, а знатные воины старались щадить друг друга, потери в случае серьёзного боевого столкновения также впечатляют. По приведённым Ф. Контаминным данным за период с XI по XIV вв. число убитых в крупных сражениях у побеждённой стороны составляло от 20 до 50% от общего числа сражавшихся [Контамин, 2000: 275]. О большой опасности для жизни для рыцаря во время войн пишет и М. Кин [Кин, 2000: 190–197].

Перспектива смерти, увечья или плена не ориентировала воинов на прагматичное накопление богатств и в значительной мере определила рыцарское отношение к материальным благам. Точная характеристика мировоззренческих установок рыцарства в отношении богатства дана советским историком А.Л. Ястребицкой. По её мнению, *«воспитанный в огне и крови, характер рыцаря был скорее импульсивный, чем расчётливый. <Поэтому он – А.С.> предпочитал повседневному труду быстрое обогащение и щедрые траты»* [Ястребицкая, 1978: 131].

Необходимо отметить, что в рыцарской морали имелась сфера, где проявление расточительности не подразумевалось и любой сеньор был крайне прагматичен. Речь идёт о личных земельных владениях и привилегиях. Феодал был готов вступить в войну для сохранения даже незначительной части своих земель. Аналогично рыцарь поступал и при ущемлении прав своих крестьян (например, разорении деревни соседями). При этом отношение рыцаря к простолюдинам оставалось высокомерно-презрительным, а война могла нанести больший ущерб, чем утрата небольшой территории. В обоих случаях речь идёт

в первую очередь не о материальных, а о репутационных издержках. Нежелание или неспособность сеньора отстаивать свои законные права свидетельствовали о его слабости и профессиональной неполноценности. Поэтому компромисс в вопросах чести и репутации рыцарской моралью не предусматривался.

Рассмотрим ещё одну сторону отношения к богатству в этике *bellatores* - соотношение с христианскими этическими принципами. Данный аспект принципиально важен, так как религиозность была важнейшим элементом культуры средневековой Европы. Рыцарская мораль идентифицировала воинов как ревностных христиан и защитников церкви. Действительно, рыцари основывали храмы и монастыри, делали в их пользу богатые пожертвования, активно участвовали в инициированных Западной церковью крестовых походах и, отрекаясь от радостей мирской жизни, давали монашеские обеты и вступали в духовно-рыцарские ордены. Однако имеет ли щедрость рыцарства христианскую основу?

Отмеченная нами ранее материальная поддержка малообеспеченных воинов, а также странствующих рыцарей явно соответствовала евангельским заповедям [Библия: 2016, Мф., 22: 39; 25: 35,38,43–44 и др.]. При этом даритель в корпоративной морали *bellatores* традиционно не считался со своими издержками. И даже если обычай подразумевал ответную благодарность, то знатного дарителя не отличала расчётливость. Для рыцаря был характерен широкий жест благородного человека, а не прагматизм купца-простолоудина.

Однако рыцарские благодеяния непременно публичны и традиционно были рассчитаны на широкое освещение в кругу *bellatores*. В противоположность этому в Евангелии ясно говорится о тайной милостыни и ориентации на воздаяние не от людей, но от Бога и не в земной, а в вечной жизни [Библия: 2016, Мф., 6: 1–4]. Рыцарское распоряжение богатством было более ориентировано на быстрое ответное воздаяние в двух сферах: при возможности – материальной (ответный

дар в виде подарка, помощи или службы) и, обязательно, репутационной, когда благодеяние намеренно афишировалось и становилось широко известным.

Таким образом, благодеяния рыцаря были полезны ближнему. Отметим здесь слова апостола Иакова, что «*вера без дел мертва*» [Библия: 2016, Иак., 2:17, 26]. Но при этом мотивация щедрости рыцаря в значительной мере была ориентирована на мирскую сферу и скорое земное воздаяние.

Важно отметить, что средневековый Запад был преимущественно христианским. Однако конфессиональное единство сочеталось со строгой социальной дифференциацией. Поэтому рыцарство проявляло щедрость преимущественно по отношению к равным в социальном плане. Исходя из этого, «ближними», которым следовало оказывать милость, оказывалось не всё сообщество христиан-единоверцев, а только рыцарство. Также хорошим тоном считалось оказывать благодеяния церкви. При этом платежи крестьян, например, редко уменьшались. В целом, в куртуазной литературе третье сословие практически не упоминается.

Заключение и выводы

В рамках проведённого исследования можно констатировать, что богатство играло важную роль в жизни рыцарства, исходя как из статуса привилегированного высшего сословия, так и в связи с характером его профессиональной деятельности, требовавшей значительных материальных затрат. В этом плане стремление *bellatores* к значительному уровню доходов представляется объективно обоснованным.

Воинская элита средневековой Европы была неоднородна по имущественной составляющей и социальному положению. Но многие ценностные ориентации, включая сферу материального достатка, были свойственны данному сословию в целом.

Рыцарство отличало специфическое отношение к богатству, отрицавшее накопительство. В рассматриваемую эпоху

это позволяло дистанцироваться от представителей иных сословий с другими ценностными ориентациями и подчёркивать свой особый статус. Только обеспеченный и успешный человек мог позволить большие расходы. Рыцарской щедрости были свойственны публичность и ориентация на широкую известность благодеяний. Альтруистическая составляющая в виде помощи малоимущим воинам сочеталась с прагматическим привлечением таких людей на службу, а также позитивной репутацией, имевшей большое значение в средневековой Европе.

Специфика профессиональной деятельности воина предполагала риск для его жизни. С этим аспектом была связана психологическая установка на быстрое

обогащение и скорые публичные траты полученных материальных ценностей. Исключением из правила щедрости являлась сфера земельных владений и привилегий, где ролевое ожидание не предполагало уступок.

С точки зрения христианской аксиологии, ибо религиозный фактор являлся доминантой культуры средневекового Запада, рыцарская этика неоднозначна. Помощь малоимущим воинам полностью соответствует христианским нравственным ценностям. Но смысловая мотивация публичных актов щедрости и наличие при этом сословной дифференциации противоречат евангельским приоритетам.

Список литературы:

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами и приложением. Перепечат. с синод. изд. 1912 г. М.: Российское библейское общество, 2016. 1238 с.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. с латин., предисл., прим. Л.М.Поповой. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 171 с.

Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль // Средневековый роман и повесть / Вступ. ст., прим. А.Д. Михайлова. М.: Худож. лит., 1974. С. 261-580.

Дефурно М. Повседневная жизнь Европы в эпоху Жанны д'Арк / Пер. с фр. Н.Ф. Васильковой. СПб.: Евразия, 2002. 320 с.

Дюби Ж. Средние века (987 – 1460). От Гуго Капета до Жанны д'Арк / Пер. с фр. Г.А. Абрамова, В.А. Павлова. М.: Международные отношения, 2000. 414 с.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / Пер. с итал. В.П. Гайдука. М.: Мысль, 1987. 311 с.

Кин М. Рыцарство / Пер. с англ. А.И. Тогоевой. М.: Научный мир, 2000. 518 с.

Контамин Ф. Война в Средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.

Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижес / Пер. с фр. Н.Я. Рыковой, В.Б. Микушевича, сост. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1980. 508 с.

Мельвиль М. История ордена тамплиеров / Пер. с фр. Г.Ф. Цибулько, науч. ред. М.Ю. Медведев. СПб.: Евразия, 1999. 416 с.

Песни о Гильоме Оранжевом / Пер. со старофр. Ю.Б. Корнеева, прим. А.Д. Михайлова. М.: Наука, 1985. 575 с.

Песнь о Нибелунгах / Пер. со средневерхненем., прим. Ю.Б. Корнеева, ст. В.Г. Адмони. Л.: Наука, 1972. 343 с.

Песнь о Сиде / Пер. Ю.Б. Корнеева, Б.И. Ярхо, отв. ред. А.А. Смирнов. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 255 с.

Пушкин А.С. Скупой рыцарь // Сочинения в 3 тт. Т.2. М.: Худож. лит-ра, 1986. С. 426-441.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Анналы. Малые произведения. Соч.: В 2 т. Т.1. М.: Ладомир, 1969. С. 353-373.

Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / Пер. с фр. Ф.Ф. Нестерова. М.: Молодая гвардия, 2006. 356 с.

Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI-XIII веков: Эпоха. Быт. Костюм. М.: Искусство, 1978. 178 с.

Bloch M. La societe feodale. P.: Michel, 1989. 695 p.

Boutet D. Sur l'origine et le sens de la largesse arthurienne // Le Moyen Age. Bruxelles, 1990. Т. 89. № 3/4. P. 397-418.

Flori J. Aristocratie et valeurs «chevaleresques» dans la 2-eme moitie du XII s. L'exemple de Marie de France // Le Moyen Age. Bruxelles, 1990. Т. 96. № 1. P. 35-67.

Об авторе:

Смирнов Александр Георгиевич – к. культурологии, доцент кафедры истории Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Россия, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1. E-mail:asmir73@mail.ru.

SPECIFICITY OF ATTITUDE TO WEALTH IN THE CULTURE OF WESTERN EUROPEAN CHIVALRY

A.G. Smirnov

Moscow Pedagogical State University (MPSU).
1/1 Malaya Pyrogovskaya str., Moscow, 119991, Russia.

Abstracts. *The article is devoted to the study of the perception of wealth in medieval knightly culture. Material values and their accumulation are one of the most important elements in the history of mankind. Based on this, the study of attitudes towards wealth contributes to a deeper understanding of the value-worldview dominants that existed in different eras, cultures and social groups.*

The author considers the role of material values in the context of the specificity of professional activity and social status of chivalry. These aspects allow us to show the existence of an objective need for high incomes for the implementation of professional activities of the medieval European military elite.

The work takes into account the peculiarities of the mentality of medieval Western European society. The worldview priorities of the military estate are given on the basis of works of chivalrous literature, which reflect the idea of the knights about themselves. In turn, these ethnic stereotypes served as a model of behavior in historical reality.

Using the attitude to wealth as an example, the potential contradiction between the declared unity of chivalric identity and the different property and social status of representatives of the upper class is considered.

Particular attention is paid to the category of chivalrous generosity, considered from the points of view of altruism and pragmatism. The influence of manifestations of acts of demonstrative generosity on the status of representatives of the military elite both within their class and in society as a whole is shown. The relationship of the formed knightly psychological attitude in relation to wealth with the specifics of the professional activity of this estate is noted.

The article takes into account the role of the religious factor as the dominant element of the culture of medieval Europe. In this perspective, the perception of wealth in the chivalrous auto-stereotype is considered from the point of view of its conformity with Christian axiological attitudes related to material values and attitude to them.

Key words: *wealth, Western Europe, history, culture, worldview, behavioral stereotypes, chivalry, estate self-identification, Middle Ages, value priorities.*

References:

Bibliia. Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. V russkom perevode s paralel'nymi mestami i prilozheniem. Perepech. s sinod.izd. 1912 g [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testament. The canonical. In Russian translation with parallel sites and application. Quail with the Synod. ed. 1912]. Moscow, Russian Bible society, 2016. 1238 p. (In Russian)

Gall Anonim. *Khronika i deianiia kniaziei ili pravitelei pol'skikh* [Chronicle and acts of princes or rulers of Poland] / Translated from Latin, preface, notes by L.M. Popova. Moscow, Publishing house USSR Academy of sciences, 1961. 171 p. (In Russian).

Vol'fram fon Eshenbakh. *Partisfal'* [Perceval]. *Srednevekovi roman i povest'* [Medieval romance and novel] / Introductory article, notes by A.D. Mihajlov. Moscow, Imaginative literature, 1974. pp. 261-580 (In Russian).

Defurno M. *Povsednevnaia zhizn' Evropy v epokhu Zhanny d'Ark* [The daily life of Europe in the era of Jeanne d'Arc] / Translated from French N.F. Vasil'kov. Saint-Petersburg, Eurasia, 2002. 320 p. (In Russian).

Diubi Zh. *Srednie veka (987 – 1460). Ot Gugo Kapeta do Zhanny d'Ark* [Middle ages (987–1460). From Hugh Capet to Jeanne d'Arc] / Translated from French G.A. Abramov, V.A. Pavlov. Moscow, International relations, 2000. 414 p. (In Russian).

Kardini F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [The origins of medieval chivalry] / Translated from Italian V.P. Gajduk. Moscow, Thought, 1987. 311 p. (In Russian).

Kin M. *Rytsarstvo* [Chivalry] / Translated from English A.I. Togoeva. Moscow, World of science, 2000. 518 p. (In Russian).

Kontamin F. *Voina v Srednie veka* [War in the Middle ages] / Translated from French Ju.P. Malinin, A.Ju. Karachinskij, M.Ju. Nekrasov; Ed. Ju.P. Malinin. Saint-Petersburg, Juventa, 2001. 416 p. (In Russian).

Kret'en de Trua. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enide. Cliges] / Translated from French N.Ja. Rykova, V.B. Mikushevich; Comp., article A.D. Mihajlov. Moscow, Science, 1980. 508 p. (In Russian).

Mel'vil' M. *Istoriia ordena tamplierov* [History of the knights Templar] / Translated from French G.F. Cibul'ko, Ed. M.Ju. Medvedev. Saint-Petersburg, Eurasia, 1999. 416 p. (In Russian).

Pesni o Gil'ome Oranzhskom [Songs about William d'Orange] / Translated from old French Ju.B. Korneev, notes A.D. Mihajlov. Moscow, Science, 1985. 575 p. (In Russian).

Pesn' o Nibelungakh [Song of the Nibelungs] / Translation from middle upper German, notes Ju.B. Korneev, article V.G. Admoni. Leningrad, Science, 1972. 343 p. (In Russian).

Pesn' o Side [Song of Cid] / Translation Ju.B. Korneev, B.I. Jarho, Ed. A.A. Smirnov. Moscow–Leningrad, Publishing house USSR Academy of sciences, 1959. 255 p. (In Russian).

Pushkin A.S. *Skupoi rytsar'* [Miserly Knight]. *Sochineniia v 3 tt. T.2* [Works in 3 vols. T.2.]. Moscow, Imaginative literature, 1986. pp. 426-441 (In Russian).

Tatsit Kornelii. O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhenii Germanii [On the origin of the Germans and the location of Germany]. *Annaly. Malye proizvedeniia. Soch.: V 2 t. T.1* [Annals. Small works. Compositions: In 2 vol. T. 1]. Moscow, Ladomir, 1969. pp. 353–373 (In Russian).

Flori Zh. *Povsednevnaia zhizn' rytsarei v Srednie veka* [Daily life of knights in the Middle ages] / Translated from French F.F. Nesterov. Moscow, Young guard, 2006. 356 p. (In Russian).

Iastrebitskaia A.L. *Zapadnaia Evropa XI-XIII vekov: Epokha. Byt. Kostium* [Western Europe XI-XIII centuries: Era. Gen. Suit]. Moscow, Art, 1978. 178 p. (In Russian).

Bloch M. *La societe feodale*. Paris, Michel, 1989. 695 p. (In French).

Boutet D. Sur l'origine et le sens de la largesse arthurienne. *Le Moyen Age*. Bruxelles, 1990, T. 89, no. 3/4, pp. 397-418 (In French).

Flori J. Aristocratie et valeurs «chevaleresques» dans la 2-eme moitie du XII s. L'exemple de Marie de France. *Le Moyen Age*. Bruxelles, 1990, T. 96, no. 1, pp. 35-67 (In French).

About the Author:

Alexander G. Smirnov – Ph.D.(Culturology), Associate professor in Department of History at the Moscow State Pedagogical University. 1/1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: asmir73@mail.ru.